

ПОРТРЕТ

Алексей Михайлов

Наш рассказ о Муранове будет неполным, если мы не коснемся имени замечательного русского художника Михаила Васильевича Нестерова.

Нестеров любил Мураново, подолгу гостил в усадьбе. Здесь были близкие ему люди, дорогие его творческому духу места — как и в близлежащих Абрамцево и Хотькове, где он черпал пейзажные мотивы для «Отрока Варфоломея», картин, посвященных Сергию Радонежскому, философических полотен о богоизбранничестве Святой Руси. Полный перечень произведений Нестерова содержит упоминания о добром десятке этюдов, написанных им в окрестностях Муранова. Шел год 1927-й — лето, ранняя осень. Михаил Васильевич тишет двойной, парный портрет обитателей мурановской усадьбы, внуков Ф.И. Тютчева, — Софьи Ивановны и Николая Ивановича Тютчевых. О том, как шла работа над портретом, — страницы из книги Алексея Михайлова «М.В. Нестеров. Жизнь и творчество» (М., «Советский художник», 1958).

Летом 1927 года Нестеров начал писать портрет Тютчевых, внучки и внука поэта, живших в то время в Муранове — музей-усадьбе Ф.И. Тютчева.

Нестеров до этого не раз бывал в Муранове: природа и обстановка жизни здесь всегда ему были по душе.

Осенью 1924 года он писал: «В ближайшее время хочу побывать в Муранове, б. имени Тютчевых, где есть музей, им заведует один из оставшихся Тютчевых, оттуда проеду в милое сердцу Абрамцево и к Троице...»

Мураново понравилось Нестерову. «Там собрано сейчас, — писал он, — умно и толково очень многое из быта и литературного наследства семей Энгельгардтов, Боратынских (поэт), Тютчевых, Аксаковых». Весною 1925 года Нестеров снова побывал в Муранове. Бывал он там и в следующем году.

Бывая в Муранове, Нестеров писал здесь этюды усадебного парка и окрестностей. В этом культурном уголке, где заботливо сохранялась память о плееде выдающихся русских

поэтов XIX века, Нестеров чувствовал себя особенно хорошо.

26 мая 1927 года он внес в книгу посетителей музея-усадьбы следующую запись: «В Муранове я не в первый раз. Оно поражает меня тем, что все в нем живет, дышит подлинною жизнью. Люди, творившие здесь большое культурное дело: поэты, писатели, публицисты — Тютчев, Боратынский, Аксаков, — все они, так любившие свою родину, еще здесь, еще с нами. Как это хорошо, как волнительно! Будем же признательны всем тем, кто так заботливо, умело охранял былое Мураново!»

Мысль написать портрет Николая Ивановича и Софьи Ивановны Тютчевых впервые возникла в конце 1926 года. Нестеров не сразу взялся за этот портрет; бывая в Муранове, он приглядывался к своим будущим «моделям» и, как видно, колебался в намерении писать их.

Весной 1927 года Нестеров особенно остро почувствовал необходимость творить, работать кистью. Настроение его в это время было приподнятое; после посещений больших выставок, общения с великими творениями А. Иванова и Сурикова хотелось самому взяться за картину.

...После долгих размышлений Нестеров решает наконец приступить к портрету Н.И. и С.И. Тютчевых. Он задумал написать их на одном полотне, создав сложный композиционный портрет из двух фигур.

Сообщая своему другу о том, что он начал писать двойной портрет «внуков поэта Тютчева» или «последних Тютчевых», Нестеров добавляет: «Работаю с большим азартом, простаивая целый день на ногах часов по шести (не за раз, конечно). Живется мне в Муранове хорошо, как в былые времена жилось у хороших, старых людей в усадьбе. Погода лишь мешает полному удовольствию. Льют дожди».

Н.И. Тютчев рассказывает о том, как писался этот портрет: «Начались сеансы на балконе флигеля в Муранове, причем мы редко позировали вдвоем, а большей частью поодиночке. Не помню, сколько было сеансов, но работа над портретом продолжалась почти все лето с некоторыми перерывами, когда Нестеров уезжал в Москву. Портрет моей сестры сразу удался, и сам М.В. был им доволен. Не так было со мной. Писал он меня долго и

М.В. Нестеров

Портрет Н.И. Тютчева. 1928. Холст, масло

наконец кончил и показал всем моим, которым он понравился, хотя они и находили, что портрет сестры более удачен. Нестеров уехал в Москву, оставив портрет в Муранове, в своей комнате. Без него я неоднократно рассматривал портрет и пришел к заключению, что это не один общий портрет, а два портрета, не имеющих между собой внутренней связи, в чем я вполне убедился, когда один мой знакомый, которому я показал портрет, сказал мне то же самое, что я думал».

Сам художник вначале остался портретом доволен. 20 июля 1927 года он сообщил Тургину: «Портрет с Тютчевых (внуков поэта) кончил. Видевшие его — одобряют».

Мне думается, что по сходству это один из наиболее удачных. Да и сама композиционная и красочная затея для меня еще небывалая. Эти двое пожилых людей — брат и сестра — сидят на полуоткрытой террасе, среди зелени...

Когда вернется Екатерина Петровна, съезжу, чтобы еще немного «тронуть» портрет и тогда возьму его домой. Жилось мне в Муранове отменно хорошо. Жизнь среди людей старой большой культуры мне всегда была по душе, а сейчас тем более».

Вернувшись в Москву и раздумывая о законченном портрете, Нестеров, как видно, немного в нем засомневался. «Сегодня вновь еду в Мураново, — пишет он, — чтобы привести портрет в окончательный вид, а потом и домой его взять. Видевшим он очень нравится, я же пока ничего не могу сказать...»

В этих словах чувствуются уже какие-то раздумья и сомнения. О дальнейшем рассказывает Н.И. Тютчев: «Вернулся М.В. в Мураново. На другой день утром иду к нему в комнату и вижу, что он что-то делает с нашим портретом. Увидев меня он отошел от портрета, развел руками и жестом попросил меня посмотреть: я увидел наш портрет без моей фигуры, которую он всю без остатка соскобил. Оказывается, что, вернувшись из Москвы и увидев портрет, он пришел в ужас от моей фигуры: «Это карлик с длинным туловищем и короткими ногами и как я мог так написать! Где же у меня были глаза?» Когда я ему сказал, что все находили мою голову удачной, он ответил, что и она никуда не годится и что он будет вновь меня писать; при этом неоднократно повторял, что старик (М.В.) никуда не годен, что он не портретист: вот если бы Серов написал с нас портрет, то это было бы другое дело, а что ему не следует браться не за свое дело и т. д.

И вот он опять приступил к писанию моего портрета. Во время сеансов, когда Нестеров был в хорошем настроении, я старался вызвать его на разговор, и часто, особенно когда его что-либо задевало за живое, он бывал блестящ и увлекателен...

Наконец портрет окончен, он показывает его всем жителям музея-усадьбы, заметно, что сам Нестеров неудовлетворен своей работой».

Сам Нестеров несколько иначе рассказывает об изменениях в портрете. Из его рассказа следует, что он соскобил не всю фигу-

ру, а только голову Н.И. Тютчева. «А я здесь, в Муранове, оканчиваю портрет, — сообщает он 11 августа, — он был бы уже закончен, если бы не дал я маху: не посадил Н.И. Тютчева на полвершка ниже, чем надо. И вот пришлось соскоблить лучшее место в портрете — голову. Хорошо, что удалось повторить не хуже, а лучше прежнего, а то было бы досадно».

...Наконец, портрет снова был закончен, и 14 августа Нестеров вернулся в Москву. В начале сентября он приехал в Мураново и взял с собой в Москву портрет Тютчевых.

«Портрет привез, видевшие весьма одобряют. Посмотрим, что будет дальше», — сообщил он Турыгину.

Но хотя все видевшие хвалили портрет, сам Нестеров, приглядевшись к нему и подвергнув его строгому анализу и критике, остался, в конце концов, им недоволен. Он понял, что портрет, с точки зрения тех требований, которые он сам к себе, как портретисту, предъявлял, не удался. Признать это, после целого лета упорной работы, после того как портрет был уже однажды переписан, разумеется, было нелегко. Нужно было все мужество и строгое беспристрастие, свойственные Нестерову, чтобы сделать этот вывод. Об этом мы читаем в одном из писем к Турыгину: «Писал ли я тебе о тютчевском портрете. На нем изображены два лица — брат и сестра (внуки поэта в возрасте после пятидесятилетия). И вот, написавши их, я понял, что они на одном портрете несовместимы: нет внутренней гармонии ни душ, ни образов, ни линий... Один как бы исключает другого. При чем «она» вышла живой, живописной, похожей, чего нельзя сказать про него.

И я, промучившись осень, в одно солнечное утро все понял и решил их разъединить.

Оставив её на старом подрамнике, переработав фон, его перенести на новый подрамник, в другую обстановку. К сожалению, все это сделать сейчас поздно, надо ждать весны, лета, а пока что убрать портрет со стены, убрать в затвор.

Вот тебе драма художника, не очень шекспировская — однако все-таки».

Пережив неудачу с портретом Тютчевых, Нестеров не сразу мог приняться за его переделку.

Летом 1928 года Нестеров в Муранове переписал портрет Тютчевых. Убрал с картины фигуру Н.И. Тютчева, оставив только его сестру, он удлинил холст и переписал фон, используя для него вновь сделанный этюд мурановского пейзажа. Осенью он написал новый портрет Н.И. Тютчева, на этот раз в интерьере, в помещении библиотеки музея-усадьбы.

«Всего, — рассказывает Н.И. Тютчев, — было 18 сеансов, насколько я помню, но

преддлинных, иногда по 2 раза в день; все шло гладко, но с моей головой и лицом он долго возился и очень нервничал и волновался, и все говорил, что не может уловить то мое выражение, которое ему бы хотелось изобразить. Помню, что это меня смущало и думаю, что выражение моего лица от этого делалось неестественным».

Так были закончены эти два портрета, которые взяли у художника много сил и времени. Вначале Нестеров был как будто доволен обоими портретами, тем более, что все, кому он их показывал, хвалили и тот, и другой, но затем он признал, что и на этот раз портрет Н.И. Тютчева не удовлетворяет его.

Портрет С.И. Тютчевой проникнут эгегическим настроением: «Софья Ивановна теперь в одиночестве на фоне Мурановской деревни. Осень на душе старой дамы. Осень и в природе — осенний букет (астры, рябина) на столе...» Эти слова Нестерова передают настроение, которым проникнут портрет.

Но это настроение, спокойно задумчивое и немного грустное, не могло выразить того, что волновало в то время самого художника. Оно, конечно, отражало какие-то аспекты его внутренних дум и переживаний, об этом можно судить и по признаниям самого художника, говорившего, что он чувствует себя хорошо в Муранове, где все связано с воспоминаниями о прошлом, где можно было отдохнуть от трудностей жизни.

В портрете Н.И. Тютчева нет того лирического настроения, той интимной близости человека и природы, которые характеризуют портрет С.И. Тютчевой; фигура Н.И. Тютчева выглядит вялой, а в лице нет ничего, говорящего о глубине и значительности внутреннего содержания модели.

Портрет написан с большим мастерством, и, однако, мастерство не могло возместить отсутствия глубокого эмоционального и духовного содержания, вне которого нельзя создать значительный образ. Самое главное заключалось в том, что в избранных им моделях Нестеров не нашел содержания, которое его понастоящему бы захватило, воодушевило как художника. Тютчевы были люди культурные, приятные, милые, но они не могли стать и не стали подлинными героями Нестерова-портретиста. И дело здесь было вовсе не в том, писать ли их вместе или отдельно, а в том, что Нестеров, может быть, и сам это не всегда осознавая, искал теперь в качестве героев своих произведений людей большой воли, активной, жизнеутверждающей действительности, а такими Тютчевы не были...

Подготовил к публикации
В. Ольшевский